

Правовые аспекты участия экономически крепкого крестьянства Украины в избирательном процессе доколхозного периода

В.Н. Лазуренко, к.и.н., Черкасский ГТУ (Украина)

Вторая половина 20-х гг. XX в. характеризовалась, как и в предыдущие годы этого десятилетия, недемократическим правовым ограничением участия экономически стабильного (зажиточного, фермерского) крестьянства Украины в избирательных (перевыборных) процессах. Следует отметить, что растущее недовольство зажиточных слоёв украинского крестьянства такими грубыми действиями власти заставило советско-партийное руководство на время ослабить свою антикрестьянскую политику. Провозглашённый осенью 1924 г. кремлёвским партийным руководством курс «Лицом к деревне» на время смягчил нецивилизованное отношение к зажиточному крестьянству [1].

Согласно принятому в сентябре 1924 г. положению «Об избирательных правах граждан и порядке проведения выборов» [1] у зажиточного крестьянства наконец появилась реальная возможность в результате хотя и минимального, но всё же демократического правового участия в избирательном процессе войти в состав местных Советов. В разработанной на основе положения «Инструкции о выборах в Советы» (1925 г.) [2] констатировалось, что состоятельные группы села, как и другие субъекты избирательного права на селе, пользуются полными избирательными правами. В инструкции отмечалось, что избирательными правами пользуются также «крестьяне и другие лица, обладающие на селе разного рода мельницами, крупорушками, молотилками, маслобойнями и т.п., если они работают в указанных предприятиях без наёмного труда с помощью членов своей семьи или с применением наёмного труда, но не более одного взрослого рабочего или двух учеников в возрасте до 18 лет и не лишены избирательных прав по другим причинам» [2].

Относительно имущественного состояния зажиточного крестьянства в инструкции говорилось, что «большая или меньшая степень имущественного положения трудового землевладельца не может служить основой для отнесения его к категории нетрудового элемента на селе, то есть до подведения его под понятие кулака» [2].

Комитеты бедноты восприняли данное положение достаточно скептически. Они с большим недовольством отнеслись к появлению в политической жизни села такой активной, а следовательно, конкурентной для них соци-

альной группы, как зажиточное крестьянство. Используя своё влияние на процедуру выборов, члены комитетов бедноты стремились различными способами не допустить в Советы своих политических противников. Противопоставляя себя всем другим слоям крестьянства, они порождали у зажиточных крестьян-собственников стремление к объединению с другими слоями крестьянства с целью защиты собственных интересов. В середине 1925 г. ЦК КП(б)У, анализируя такие действия комбедов, вынужден был неофициально признать, что вместо нужного им союза бедняка с середняком сложился союз середняка с зажиточным крестьянином, который был особенно опасным [3].

Настроения, царившие в деревне, в частности в среде зажиточных крестьянских групп, особенно ярко проявились во время частичных перевыборов Советов весной 1925 г. В материалах, подготовленных к IX съезду коммунистической партии большевиков Украины 6–12 декабря 1925 г., секретарь ЦК КП(б)У Л. Каганович отмечал, что «... новая предвыборная кампания в условиях свободы выбора и замены списочной системы персональным голосованием, прошла при большом оживлении. Но она обнаружила, наряду с общим ростом активности села, растущую активность кулачества, к которому во многих местах присоединялись середняки и интеллигенция, причём, как правило, антисоветская общественность группировалась вокруг церковных приходов. Благодаря поддержке кулака середняком, а в некоторых местах благодаря слабости и не авторитетности коммунистических и комсомольских ячеек, кандидатуры, которые были ими выдвинуты, иногда проваливались и в Советы проходили кулацкие элементы» [4].

Во время перевыборов зажиточное крестьянство вело себя очень активно. Поэтому в большинстве случаев выборы завершались провалом кандидатур членов комбедов и коммунистов, а позиции зажиточных крестьян укреплялись [5]. Несмотря на противодействие местных властей в состав многих Советов были избраны представители зажиточного крестьянства. Так, в Радомышльском уезде в составе сельских Советов было представлено 34 «кулака», Коростенском — 32, а в Верхнеднепровском они составляли почти половину состава исполкомов [3].

Данные факты вызвали чрезвычайную обеспокоенность центральных украинских большевистских органов власти, а потому последние

достаточно оперативно отреагировали на неприемлемые для них результаты выборов. Например, в Павлоградском уезде для ликвидации «кулацких» исполкомов даже были применены прямо террористические «методы физического воздействия», а в ряде уездов результаты выборов были аннулированы под предлогом нарушения Конституции [3].

Зажиточные крестьяне проявляли большую активность в эту и в последующие избирательные кампании. К примеру, в 1924 г. в 27 округах Украины, по данным ЦСУ и Центризбиркома, в Советы было избрано 1995 зажиточных крестьян [3].

Зажиточное крестьянство проявило общественную активность и в 1925 г. Оно вело себя наиболее организованно, в результате чего было широко представлено в ряде местных Советов, в том числе в их руководящих органах. Следствием частичных перевыборов зимой 1925 г. стало ошутимое изменение социального состава районных съездов Советов. По данным Центризбиркома, в районных съездах 15 округов Украины приняли участие 65 зажиточных крестьян. Относительно наибольший их процент – 3% – наблюдался в Мелитопольском округе, наименьший – 0,1% – в Лабинском и Полтавском округах. На районные съезды в восьми округах зажиточные крестьяне не попали, однако в пяти округах они, несмотря на жёсткое большевистское противодействие, даже были избраны в состав районных исполнительных комитетов [3].

Угроза потерять своё влияние в Советах заставила правящую партию искать более эффективные пути решения проблемы. Л. Каганович, назначенный в апреле 1925 г. генеральным секретарем ЦК КП(б) Украины, при полной поддержке центра решил положить конец такой «аномалии» в системе органов советской власти. Для изучения данного вопроса в июне 1925 г. было проведено специальное выборочное обследование комбедов на местах. В материалах обследования, существовавших на правах рукописи только для членов партии, о взаимоотношениях комбедов и сельских Советов отмечалось: «Своё влияние на работу сельских советов комбеды осуществляют путём проведения своих членов на должности председателей и секретарей сельских советов, что фактически означало превращение советов в органы, защищающие интересы исключительно членов комбедов» [6, 7].

Перевыборы сельских Советов, проходившие в 1926 г., зафиксировали не убывающий интерес состоятельных групп деревни к участию в работе местных Советов. Главным избирательным методом зажиточного крестьянства, как и в предыдущие годы, оставались средства открытой агитации. Данную категорию крестьян поддерживали церковные Советы [7]. Нередко

состоятельные кандидаты имели поддержку со стороны малоимущих крестьян (хотя их голоса экономически сильные крестьяне иногда заполучали и не демократично-правовыми методами, например, разного рода угощениями и «раздачей безвозвратных ссуд» [7]. Непарламентские методы со стороны групп зажиточного крестьянства, зафиксированные во время предвыборных кампаний, проявлялись также в распространении провокационных слухов, дискредитации политических соперников, противопоставлении центральной власти местным органам, срывах предвыборных собраний, включении в списки «мёртвых душ». Однако основным их методом было использование собственного экономического влияния и хозяйственного авторитета [3].

Советский механизм недопуска представитель зажиточных крестьянских групп в Советы сработал и в 1926 г. В сводке, направленной секретарю ЦК КП(б) Украины В. Затонскому, о предварительных результатах перевыборов сельсоветов в 1926 г. по материалам окружных избирательных комитетов на 9 апреля 1926 г. отмечалось, что «зажиточных по данным 4357 сельских советов из общего количества избранных – т.е. 98747 человек, избраны – 903 человека, что составляет лишь 0,9%» [8]. Наибольшее количество представителей зажиточного крестьянства, вошедших в состав сельсоветов, было зафиксировано в Запорожье – 3,3%. В данном регионе по двум избирательным районам в сельские Советы попало даже больше 8% зажиточных крестьян, но в большинстве районов, они вовсе не были представлены. Менее 1% зажиточных крестьян было представлено в сельсоветах Винницкого (0,2%) и Киевского избирательных округов (0,3%), а по Бердичевскому, Глуховскому, Криворожскому и Уманскому избирательным округам состоятельные крестьяне вообще не были избраны [8].

В исследуемый период процент социальных групп деревни, лишённых избирательных прав, был значительно меньшим, чем в предыдущие годы, и составил около 2,1%. Из них лишь 7,5% проживало на «нетрудовые доходы», 4,2% относились к категории предпринимателей [7]. Согласно принятой в сентябре 1926 г. инструкции о выборах в Советы, лица, а это в подавляющем большинстве представители зажиточных крестьянских хозяйств, хотя никогда не использовали наёмный труд, лишались избирательных прав [9].

С целью не допустить к участию в выборах крестьян, выступавших против социально-экономической политики большевиков в деревне, государственные чиновники исключали таковых из списков избирателей под предлогом их так называемой «контрреволюционности». Искусственное лишение избирательных прав нежелательных представителей крестьянства

было распространённым явлением в Украине 20-х гг. прошлого столетия. Примером таких противоправных действий со стороны исполкомов Советов может служить случай, имевший место в Яблунивском районе Екатеринославской губернии, где исполнительный комитет лишил $\frac{3}{4}$ крестьян права голоса, о чём последние писали председателю СНК УССР Х. Раковскому [3].

По итогам выборов сложно судить о реальном количестве представителей сельских состоятельных групп, которые были лишены избирательных прав. Согласно сводкам избиркомов, выборы 1926 г. почти не изменили социального состава депутатов сельских Советов. Зажиточные группы крестьянства составляли в них только 1,2% (бедняки – 57,2%; середняки – 41,6%) [3].

На выборах 1927 г. зажиточные крестьяне набрали наибольшее количество голосов за все годы НЭПа. По официальным данным их представительство в сельских Советах увеличилось до 3,3% (а количество бедняков сократилось до 16,1%) [3]. Однако проверки показали, что настоящий процент тех, кого власть называла «кулаками», в Советах был значительно выше.

В ходе избирательной кампании 1928–1929 гг. тактика ведения предвыборной борьбы зажиточного крестьянства оставалась в целом аналогичной прошлым годам. Среди социально-экономических и политических требований зажиточного крестьянства в эти годы выдвига-

лось требование (о чём под грифом «секретно» повсеместно докладывало местное партийное руководство в ЦК КП(б) Украины) прекращения большевистской политики раскола крестьян на бедняков, середняков и «заможников», т.е. кулаков.

Таким образом, следует подчеркнуть, что каждая избирательная кампания по выборам в сельские Советы Украины в годы НЭПа представляла собой новый шаг нарастания протеста среди всё более широких слоев крестьянства против так называемой «социалистической демократии», одним из негативных моментов которой было чисто насильственное вытеснение из представительства в советах реально мыслящих, наиболее энергичных, трудолюбивых, хозяйственно талантливых слоев украинского крестьянства.

Литература

1. Венер М. Лицом к деревне: Советская власть и крестьянский вопрос // Отечественная история. 1993. № 5. С. 86–107.
2. Центральний державний архів громадських об'єднань України (далі – ЦДАГО України). Ф.1. Оп. 20. Спр. 1981. 129 арк.
3. Ганжа О.І. Опір селян становленню тоталітарного режиму в УСРР / Серія «Історичні зошити». Київ, 1996. 42 с.
4. ЦДАГО України. Ф.1. Оп. 20. Спр. 1965. 56 арк.
5. Адамський В. Земельна реформа в контексті традицій і ментальності українського селянства // Розбудова держави. 1994. № 10. С. 41–44.
6. ЦДАГО України. Ф.1. Оп. 20. Спр. 2066. 112 арк.
7. ЦДАГО України. Ф.1, Оп. 20. Спр. 2221. 126 арк.
8. ЦДАГО України. Ф.1. Оп. 20. Спр. 2223. 90 арк.
9. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. № 66. М., 1926. 608 с.